

Л.В. Максимов

Эпистемологические истоки Кантовой этики

Выступление оппонента

О.П. Зубец

По-видимому, мы еще долго будем возвращаться к прошедшей дискуссии в связи с работой Канта «О праве лгать из человеколюбия» – она выявила существенные различия между участниками в понимании морали и философской этики. Доклад и статья Л.В. Максимова также заставляют вновь поставить вопрос о различных пониманиях специфики философской этики. В заключении статьи он замечает, что нет принципиальных препятствий разработать адекватную теоретическую модель морали в полноте ее описанных Кантом свойств, находясь в рамках натуралистической парадигмы. Однако история мысли свидетельствует об ином. И это скорее закономерно и непреодолимо.

Мораль есть способ вырывания человеком себя из мира природно-социально-психологической необходимости, когда он ставит себя «в другой порядок вещей» (Кант): «и в совершенно другого рода отношение к определяющим основаниям», когда он «представляет себя как мыслящее существо, **одаренное** волей, следовательно, **причинностью**». Мораль есть определение себя в качестве субъекта – в качестве начала причинного ряда. Именно задание автономии субъекта было для Канта приоритетной задачей. Собственно только, исключительно философская этика способна через уход от познания вписанности человека в многообразную систему детерминаций, связей с миром, уйти от понимания его как предмета, и выйти к пониманию морали через реконструкцию автономного субъекта морали, через понимание морали как того, что заключается в обретении человеком субъектности. Воля есть такая причинность, которая порывает со всеми другими причинностями и позволяет человеку считать поступок своим, без чего сам поступок был бы невозможен. Предметом философской этики и является этот иной порядок вещей, в котором человек становится моральным субъектом, первопричиной, задающим себя через принятие ответственности за мир и не ограничивая ни свою ответственность ни самого себя никакими обстоятельствами.

Этика Канта является не просто продолжением его эпистемологии, а ее предельным завершением – именно здесь он находит чистый разум в качестве практического разума.

Объяснение того, как чистый разум может быть практическим, невозможно в силу абсурдности – это было бы попыткой объяснить свободу или вывести моральную субъектность из социо-природных детерминаций. Леонид Владимирович выступает за оправдание поступка через анализ обстоятельств дела, мотивов, последствий, через подведение под нормы и рассмотрение аргументированности решений – все это имеет место в множестве вариантов и являет образец уничтожения морального субъекта, выведения его за пределы философско-этического дискурса. Известна мысль Канта о том, что науки в принципе могут достичь такого уровня познания всех моментов, определяющих человеческие действия, что эти действия можно будет предсказывать с той же точностью, с какой предсказывают солнечные затмения. В качестве таких моментов могут быть рассмотрены и учтены также и характер, особенности психики, мотивации, разнообразные нормы и другие формы регуляции, отношения с другими людьми – все, что угодно. В этом пространстве нет места субъекту морали, а стремление к познанию всех этих моментов – к которым относятся и многие явления, традиционно и заслуженно относимые к области морали – есть одновременно стремление исключить возможность «видения» субъекта индивидуально-ответственного поступка, становящегося таковым через установление себя в качестве исходного, единственного основания этого поступка. Поступок есть «мой» независимо от характера всевозможных обстоятельств – даже от его мотивированности и преднамеренности – это «мой» тождественно ответственности, которая есть основа свободы. «Мой поступок» есть задание себя в качестве причины, автономного начала – то есть морального субъекта. Его обоснование невозможно и абсурдно, как объяснение-обоснование свободы или бога.

Теоретическое знание говорит о том, что существует, что есть, но практическое – есть знание о должном, которое невыводимо из «есть». И знание в морали не есть познание ситуации – это есть знание должного, полученное через установление себя в качестве абсолютного начала. Абсолютность есть единственная возможность вырвать себя из социоприродной детерминированности, вещиности. И в этом смысле она невыводима из познавательной парадигмы.